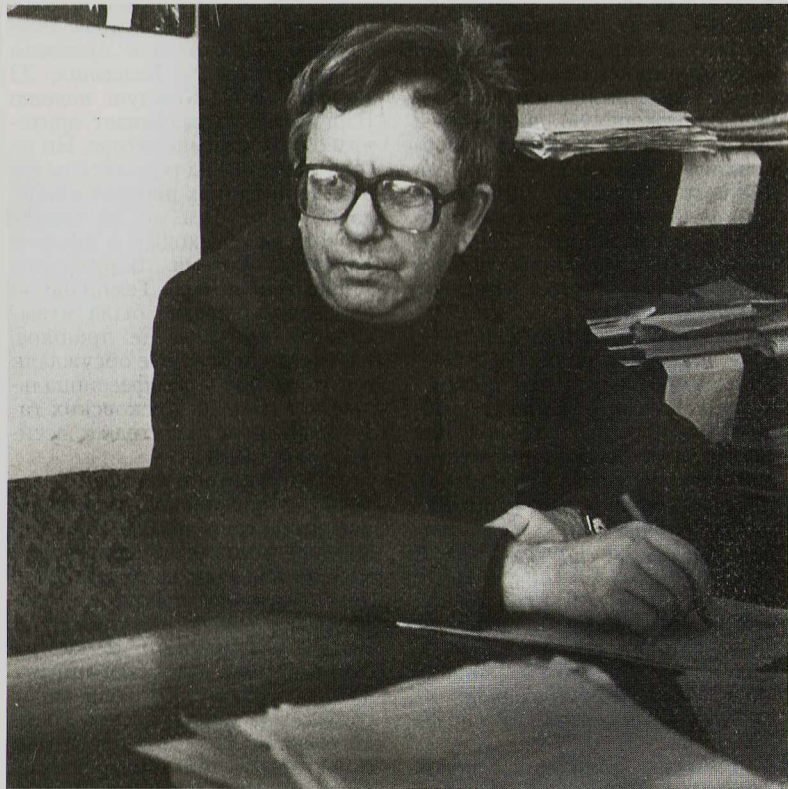

ВЛАДИМИР РУБИН: СВОЕГО СЛУШАТЕЛЯ Я ПРЕДСТАВЛЯЮ ТАК, КАК ЧУВСТВУЕТ ЕГО МОЯ ДУША

Замечательный композитор и интересный собеседник, Владимир Ильич Рубин отметил в августе свое 80-летие. Поздравляем его со знаменательной датой и желаем здоровья и новых творческих успехов, тем более что композитор свой юбилейный год собирается отметить очередной премьерой.

— Владимир Ильич, над чем Вы сейчас работаете?

— Сейчас я заканчиваю партитуру оратории “Песни любви и

смерти” — крупного сочинения для солиста, смешанного хора, струнного оркестра, арф, рояля, челесты и ударных на стихи Бунина, Набокова, Пастернака, Ходасевича и канонические тексты. Это работа, над которой я очень много думал, в нее вложено много души. Уже назначен день премьеры — 18 февраля 2005 года.

Хор Виктора Попова в августе приступает к разучиванию сочинения. Оратория посвящена Владимиру Федосееву, оркестр кото-

рого и будет ее исполнять. Скажу Вам честно, — это счастье иметь возможность творческого сотрудничества, я бы даже сказал, доверительного творческого сотрудничества с такими замечательными музыкантами.

— Вы назвали имена В. Федосеева и В. Попова. А кто еще из исполнителей Вас интересует с творческой точки зрения, для кого Вы хотели бы написать?

— Судьба свела меня с замечательными музыкантами, среди которых Александр Юрлов, Владимир Минин, Александр Ведерников, Нина Исакова.

Недавно мою монооперу “Альбом Алисы” прекрасно исполнила Татьяна Куинджи. Меня интересует творчество певицы Ирины Ромишевской, в репертуаре которой и мой вокальный цикл, Николая Диденко (партия баса-соло в “Вечерних песнях”), Ларисы Костюк (замечательно исполнившей соло в “Эпитафии Георгию Свиридову”). А вот так, чтоб писать для исполнителя, как Моцарт писал, такого у меня не было. У меня много посвящений, но это уже другое, — писать не для исполнителя, а из уважения к нему.

— Какие замыслы остались не реализованы, что, возможно, Вы задумывали, но по каким-то причинам не складывалось?

— За последнее время мною написано несколько крупных работ, я имею в виду “Песнь Восхождения”, “Альбом Алисы” и, вот — “Песни любви и смерти”. Есть и замыслы. Они связаны с поэзией Андрея Платонова — писателя, которого я очень почитаю и считаю одним из крупнейших русских писателей XX века. О новой работе на стихи Платонова я

думаю давно, она лежит как “драгоценная заготовка”. А сейчас, признаюсь Вам, я даже заставляю себя не думать о ней, потому что не хватает внутреннего пространства, чтобы совмещать работу над двумя партитурами. Сейчас надо обязательно завершить окончательно ораторию “Песни любви и смерти”, поставить точку.

— Есть ли у Вас какие-то записи, дневники, ведете ли Вы переписку? Что бы Вы могли рассказать о встречах с крупными художниками своего времени?

— Есть, конечно, много интересных писем, интересных адресатов, но все это находится в неорганизованном виде. Покойный А.Т.Тевосян — Царство ему Небесное — все говорил: “Владимир, давайте я приведу в порядок”, я отвечал: “Поэжж, Саша”. Я никак не ожидал, что буду его душеприказчиком, его архив будет у меня...

Я встречался с Александром Твардовским, Владимиром Тендряковым, Василием Росляковым, Борисом Можаевым, Александром Межировым... Должен сказать, что я и по сей день сохранил творческую дружбу с замечательным литератором Станиславом Рассадным. Я был очень близок с Юрием Олешей, с Эммануилом Казакевичем. Общение с писателями меня всегда радовало и обогащало.

Я меньше общался с художниками, ну, жизнь и “отомстила” — дочка стала художницей (смеется), восполнила этот пробел... Я хорошо знаком с театральным миром, тем более что моя жена — актриса.

Я был в добрых отношениях с нашей музыкально-критической средой: М.Сабитиной, Л.Поляковой, А.Сохором, Н.Шумской.

Кстати, я не назвал Германа Галынина, — знаете, это был талантливый человек. Я играл вместе с ним его замечательный Первый фортепианный концерт.

Важное значение имела для меня дружба с Г.Свиридовым, Б.Чайковским, А.Чугаевым. Моим большим другом был рано умерший Револь Бунин, мы дружим с Р.Леденёвым, А.Золотовым.

В общем, понимаете, могучее у нас духовное наследие, и нам бы его не разменять по мелочи, вот так бы хотелось. Оно могучее по своей красоте, глубине и правдивости.

— Владимир Ильич, а как Вы себе представляете своего слушателя, или Вы об этом не задумывались?

— Слушателя? Вы знаете, что, я его представляю так, как его чувствует моя душа, а чувствует она так, как она подсказывает мне написать музыку. Мне рассказывали, что некоторые мои сочинения вызывали не совсем обычный интерес. Например, в одном из провинциальных городов России каждую неделю собирались слушать мои “Вечерние песни”. Недавно, кстати, узнал, что “Вечерние песни” часто слушают русские из Лос-Анджелеса, собираясь на квартире у архитекторов.

Хочется думать, что ты обязательно пробылешь к душе человека, ибо я тщу себя надеждой, что то, о чем я говорю, важно и значительно по сути самой жизни и по ее соединению с жизнью души.

— Спасибо, Владимир Ильич, Вам за беседу.

Беседу записала Полина Балябина

Рубин Владимир Ильич (Виктор)
1924-2004
06